

18+

ТИМ ИБРАГИМОВ

БЕЛЫЙ КОВРИК
ДЛЯ МЯГКОГО ПАДЕНИЯ

Тим Ибрагимов
Белый коврик для
мягкого падения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68997742

SelfPub; 2023

Аннотация

Короткий рассказ о парне, который попал в новый для себя мир взросления и теперь пытается понять себя и свое место в нем.

Содержание

I	4
II	10
III	17

Тим Ибрагимов

Белый коврик для мягкого падения

I

Этой осенью я начал жизнь с чистого листа. Хотя правильнее было бы заметить то, что так говорили все мои родственники и друзья, после того, как я подал документы в опорный университет нашей области. Сам я так не считал. Мне казалось, что этот сильно запачкавшийся лист кто-то насильно перевернул вместо меня. Это не то, чего я желал на данный момент. Как ни странно, но в свои 18 лет я очень любил ковыряться в прошлом и искать в нем причины моего меланхоличного настроения. Конечно, на то были свои мотивы. Я писал песни. Но тем особым способом, которому меня научил мой прежний приятель.

Вечерами он учил меня игре на гитаре и часто говорил:

– Я не смог бы написать ни одной песни, если бы чувствовал себя счастливым человеком. Это неправильно, но печаль – лучший способ осознать жизнь и вдохновить себя.

Отныне я не имею ничего общего с ним, но по сей день

воспринимал его слова как истину в последней инстанции. Именно по этой причине я не хотел отказываться от своего прошлого, либо со спокойной душой принимать его. Во мне не возникало ни малейшего желания с чистой душой снова начинать пачкать те листы, о которых так много говорят близкие мне люди.

Я вошел в аудиторию и инстинктивно сел за последнюю парту у окна. Началась вступительная речь декана института архитектуры. Он бодро размахивал руками, расхваливая направление, на которое мы уже поступили. Этого я понять никак не мог, ведь каждый из нас, кто сидел в этом знойном кабинете, уже сделал свой выбор. Складывалось ощущение, что он просто тренировал свое актерское мастерство. Как никак, публика собралась немаленькая.

Спустя десять минут после начала конференции в аудиторию забежала девушка и быстро села за первую парту, как бы стараясь остаться незамеченной, даже несмотря на свой высокий рост. Мое недовольное лицо было обращено на нее. Нет, я вовсе не был огорчен ее внешностью или тем, что она пришла не вовремя. Мне было все равно, хотя в силу своей язвительности меня все же подло посетила мысль: “Какая безответственность!”

Сильно недоволен я был солнцем, упорно светившим мне в лицо с самого начала конференции. Сев позади всех, я избежал нежелательных знакомств, но совсем позабыл о моем

закрытом солнечном недруге, который ехидно преследовал и без спроса ослеплял меня каждый день.

Ни с кем не контактируя, я быстро вернулся домой в свою небольшую комнату, занавешенную плотными рулонными жалюзи. Поверх них также были водружены шторы грязно-голубоватого оттенка, которые ставили точку в моей борьбе с солнцем. По крайней мере, на моей территории. Однако, это совсем не значит, что мое лицо могло позволить себе расслабиться и перестать быть недовольным. С экрана старенького смартфона на меня смотрела надпись: “Вы приглашены в чат”. Активные студенты суетливо позаботились о неформальной встрече новоявленных архитекторов с целью сплотить хоть какую-то часть коллектива в первый же день. Интересно получается: либо я отказываюсь от приглашения, теряя возможность заявить о себе, либо принимаю его, обязуясь насильно вытряхивать из себя шутки и ритуальные улыбки ближайšie несколько часов, чтобы как раз таки заявить о себе.

– Человек – существо социальное... – думал я, стоя в своем черном осеннем плаще на Соборной площади в центре города рядом с голубоглазым парнем атлетичного телосложения и “безответственной” девушкой, пришедшей на этот раз аккурат ко времени встречи. Я разговаривал с ними ни о чем и лишь из-за того, что они стояли ближе всего ко мне.

Вдруг я поймал себя на мысли, что если бы парень с девушкой внезапно исчезли, и вместо них передо мной появились совершенно другие люди, то ни один мой глаз не полез бы от удивления на замазанный консилером лоб.

– Тебя не могут так звать, – прорвался ее голос сквозь мои мысли.

– Что? – переспросил я, явно недоумеваю.

– Назови свое полное имя! – допытывалась она. Мне и впрямь стоило ожидать такого вопроса сегодня. Везде я подписываюсь не так, как меня зовут на самом деле, используя при этом укороченную версию ненавистного мной полного имени. Незнакомым людям я представляюсь точно таким же “неправильным” образом, но каждый раз их так и норовит докопаться до истины по непонятным мне причинам.

– Если станешь называть меня полным именем, то может случиться нечто непоправимое, – серьезно сказал я. Атлет поперхнулся не то от смеха, не то от его резко возникшей заинтересованности в разговоре. Наступила неловкая тишина. Мы двигались поперек главной улицы. Передо мной тянулась аллея из берез в желтоватой от городских огней мгле. Бронзовый Рублев неподвижно и с каким-то укором смотрел на меня с площади.

Я ни капли не изменился в лице, лишь продолжал смотреть прямо, придав своему виду нарочитое спокойствие и загадочность.

– Мне придется тебя убить, – наконец легко проговорил я.

Девушка с парнем засмеялись и, как полагается, забыли о том, что хотели узнать еще с минуту назад. Терпеть не могу мнимую заинтересованность. Я оглядел людей, шедших рядом с нами как бы в одной компании. Группа из десяти человек разбилась на небольшие кучки, они так же, как и мы, говорили ни о чем.

Заметив курящую Rothmans девушку, я подошел к ней и предложил зайти за выпивкой в магазин неподалеку, уверенно сославшись на то, что мне так же тоскливо, как и ей. Она с радостью согласилась, и я взял нам по бутылке недорогого пива в круглосуточном ларьке. Мы тихонько пили свое пиво и закрывали свой моральный долг перед этой встречей, не обременяя друг друга излишними разговорами.

Скромно простившись с близсидящими людьми, я покинул место встречи в то время, как остальная часть активных студентов с оживленным шумом пошла в сторону общежития, ведя под руки парня, сильно напившегося еще до всеобщего сбора.

Дома я выслушал от моей вечерней собеседницы развернутый рассказ о том, как было потешно добираться до общежития вместе с любителем поквасить. Там хорошо, где меня нет, задумался я, пришлось переступить через себя, чтобы прийти на этот праздник жизни, и уйти, позже осознав, что он начался точь-в-точь, как я покинул его. Невезучий человек? Или же я не понимаю, что делаю что-то не так? Смогу

ли я стать для кого-то незаменимым и достойным внимания?

– Так как тебя зовут на самом деле? – внезапно с интересом спросила она.

II

– Я втайне пользуюсь человеком, когда пишу о нем песню, но никому из нас не причиняю этим никакого вреда, верно? – наивно полагал я.

Ранним утром я сидел в своей комнате и старательно подбирал слова, чтобы выразить скопившиеся за сентябрь эмоции. Я отчетливо понимал, что никак не могу справиться со своим замыслом, как бы я не хотел выложить его на страницах записной книжки. Не хватало отчаяния. Девушка, о которой я писал, была слишком светлой и скромной, хоть и не отвечала мне взаимностью. Надежда стать для нее близким человеком жила и процветала, а также не давала мне необходимого вдохновения на написание классической печальной истории о неразделенной любви.

Старательно возведенная ранее пирамидка из скомканных желтоватых бумажек рассыпалась по всему столу. Получившееся озеро заставило меня немного растеряться. Перечеркнутые “скромная”, “алмазы”, “прическа” и другие сентиментальные слова стыдливо смотрели на меня с бумажных комочков, явно недоумевая, почему это я с ними так поступил. Не хватало мне еще оправдываться перед своими же мыслями и действиями! Объявив бестолковый бойкот самому себе, я встал из-за стола и направился в университет. Мне вновь предстояло с ней увидеться.

В то время темные вещи носило подавляющее большинство моих ровесников, включая меня. Ясное дело, это не могло меня не раздражать. Все люди для меня смешивались в одно темное пятно. С постными физиономиями они снова-таки туда-сюда целиком одетые в черное, будто бы все дружно решили прийти на чьи-то похороны заранее.

Конечно, эти претензии меня не касались. И, разумеется, они не касались ее. Мои негативные мысли не имели никакого отношения к девушке по имени Ирен. Мне нравилось в ней абсолютно все. Обыкновенная темная одежда смотрелась на ней стильно. Прическа с прямым пробором по середине мне не нравилась, как и обыденный светло-русый оттенок волос, но все это не мешало мне любоваться ей.

Перехватив мой взгляд с противоположного конца аудитории, Ирен что-то шепнула темненькой девушке, сидящей рядом, и подошла ко мне вместе с ней:

– Сегодня все в силе? – громко и напористо спросила темненькая.

– Да... Должно быть, что так, – медлительно ответил я, так как поначалу совершенно забыл, что сегодня мы втроем собирались выпить после пар в одном из кафе неподалеку от Соборной площади.

– Неуверенно звучит! – с насмешкой бросила через плечо темненькая, уводя за собой светленький предмет моего обожания.

Ирен была очень тихой и немногословной девушкой. Возможно, я искал в ней необходимый покой и утешение. Казалось, что она была единственным человеком, с которым я мог бы позволить себе расслабиться и насладиться тишиной. Мне действительно становилось легко, находясь рядом с ней. Если вообразить, что во мне есть хоть какие-то суицидальные наклонности, то после событий прошлых лет я мечтал утопиться в озере под названием Ирен.

То же самое нельзя было сказать о ее суетной подруге, которая повсюду таскала Ирен за собой и препятствовала возможности поговорить с ней о чем-то личном. Она любила выпивать и нести всякую провокационную чушь в компании людей, которые умеют слушать. Слушать я не умел, но и говорить не хотел, поэтому выбрал самое меньшее из зол: компанию с неумолкающей девушкой и Ирен впридачу.

Однако, стоит признать, что некоторая располагающая к себе черта у нее все же была. Подруга Ирен была сильной личностью и могла ставить людей на место своей наглостью и прямоотой. Мне сразу вспоминается случай, который произошел в самом начале сентября. Я любил разгибать воротники своих рубашек. Таким образом получалось некое подобие водолазки, либо рубашки с высоким воротником. Задним числом становится ясно, что выглядело это, конечно, престранно. Так она и сказала с укоризненным лицом однажды:

– У тебя воротник разогнулся, поправь.

Тогда я даже не подумал что-то ей объяснять и послушно вернул воротник в прежнее положение, впредь никогда его не разгибая. Именно такой эффект производила ее личность на меня первое время.

Мы договорились встретиться на выходе из университета после окончания пары. Первой я увидел Ирен. Она растерянно смотрела в сторону удаляющейся подруги. Темненькая неслась так быстро в противоположную от нас сторону, словно она опаздывала на тренировку по спортивной ходьбе.

– Что опять стряслось? – спросил я, совершенно не изумившись происходящему. Немудрено, что они часто ссорились из-за сильно разнящихся нравов.

Ирен резко развернулась. Ее глаза сверкали, но не так, как об этом пишут в книгах или показывают в кинофильмах. Они скорее напоминали два неограниченных алмаза: тусклые и пока что совершенно бессильные.

– Ничего. Она отказывается куда-либо идти сегодня, – не повышая голос, возмутилась она, – говорит, что я в этом виновата.

– Как ты можешь быть в чем-то виновата? – я действительно недоумевал, хоть и говорил с капелькой иронии, чтобы не казаться льстивым.

– Откуда я знаю! Она вновь все переиначила. Я совсем запуталась.

– Значит, сегодня мы никуда не идем?

– Да.

Неожиданно для себя, словно выплюнув, я сказал:

– Может быть ты захочешь прогуляться без нее?

Что я такое делаю? Несмотря на то, что они в ссоре, Ирен все равно не ступит без нее ни шагу. Полбеда! Я даже понятия не имею, о чем мне с ней разговаривать. Нам всегда было проще общаться, когда есть кто-то третий, но я обязательно что-нибудь придумаю, все-таки...

– Нет, – торопливо, но скромно ответила она, словно понимая, что только что перебила мои мысли, – как же я без нее...

После короткой паузы Ирен откровенно добавила:

– Нам, наверное, и говорить будет не о чем.

– Хорошо, увидимся в другой раз, – я сказал это спокойно, несмотря на свое сильное разочарование.

– Пока.

Ничего не ответив, я пошел в сторону автобусной остановки. Груз отчаяния ехал со мной до самого дома.

Вечером внезапно раздался телефонный звонок. Оказалось, звонил малознакомый мне одноклассник:

– Я сейчас в центре, не хочешь прогуляться?

Странное дело. Мы пересекались с ним всего пару раз. Первый случай был на встрече абитуриентов все у той же Соборной площади, куда он приехал в нетрезвом состоянии и попытался завести со мной диалог. Второй – в курилке при

университете, где он попросил у меня “цибарку”. Несмотря на это, я не особо долго размышлял над ответом и принял приглашение. Никаких дел на этот вечер у меня не было, лишь так внезапно и судьбоносно возникло желания развеяться.

Покончив уже со второй “цибаркой”, я зашел в кафе и заказал себе двойной эспрессо. Мы договорились встретиться с ним здесь полчаса тому назад, но его телефон не отвечал и сам он никакие сообщения не отправлял. Хотелось спать. Мое внимание привлекла вывеска с каким-то акционным предложением, которая была состряпана словно из небольших неоновых палочек вместо классической светодиодной ленты.

Я допил свой кофе и просидел на месте еще несколько минут, бесцельно сверля уставшим взглядом неоновые палочки. Вдруг поймал себя на очевидной мысли, что трачу время впустую, оплатил кофе и вышел на улицу, до которой уже добралась знакомая мне желтоватая от городского зарева мгла.

“В общем, все отменяется. Я сейчас в кино”, звонко доложил мне смартфон на пути к остановке.

– Зато развеялся, – вяло доложил сам себе я.

Нет, я не был чересчур огорчен таким исходом. Даже когда узнал, что в кино он ходил вдвоем с Ирен.

В тот вечер я ехал домой на самом позднем автобусе и

думал о неоновых палочках. В наушниках играла “Lucy In The Sky With Diamonds”.

Казалось, что пока моя душа не испытывает треволнений, все остальное не имеет никакого смысла. Остается лишь надеяться на внезапные повороты судьбы в ожидании слепящего и болезненного свечения из первоначально тусклого обрамления. Выходит, что схожесть с неоновой палочкой мне придавало умение пробуждать в себе своего рода вдохновение и чувствовать жизнь лишь после сломившей меня ситуации.

Не дожидаясь своей остановки, я спешно открыл записную книжку и вернул все то, что вырывал из нее несколько часов ранее.

– Простите меня, скомканные листочки, – подумалось мне, – между нами вышло некоторое недопонимание.

Утренние слова обрели особый смысл лишь в ночь с 27 по 28 октября. Мной была написана песня “So Shy”. Следом за ней пошла груда черновиков и мрачная “Better Selection”. Наконец, “I’m Happy When I Thinking About You” позволила насладиться светлыми мыслями об Ирен и отчасти отпустить образ этой скромной девушки, которая все никак не могла вообразить, как много она может значить для одного человека.

III

Громкая ритмичная музыка раздавалась по всему помещению. Рюмки, бокалы и прочие склянки с алкоголем были слышны отовсюду, словно я находился не в китчевом клубе, а на симфоническом оркестре пьяных стекловаров. Девушка томительно рассказывала мне какую-то историю, которую я не мог, скорее даже не хотел, расслышать. Я почувствовал сильный толчок в спину от парня, который неуклюже пытался приблизиться к барной стойке, чтобы заказать себе очередную стопку человеческого топлива.

– Прости, мне нужно выйти, – стараясь сохранить спокойствие, я прервал ее и нетерпеливо вышел из зала.

Девушка, назовем ее Дора, проявляла ко мне явный интерес с самого начала учебного года. Спешно покидая барную стойку, я всем телом, если быть точнее – спиной, чувствовал ее потерянный взгляд. Сложно сказать о моем отношении к ней. Особого интереса к Доре я не питал, несмотря на ее приятную внешность и утомительное, но все же полное остроумие. Для себя я уже давно сделал вывод, что с ней мне было все просто и понятно, как если бы мне пришлось играть с ребенком в шахматы. Скажем так, мой синдром “неоновой палочки” никак не раскрывался в отношениях с Дорой.

На выходе из клуба я столкнулся с Ирен. Она была не од-

на, иначе и быть не может.

– Ты уже уходишь? – с маленькой долей заинтересованности спросила девушка.

– Нет, – зачем-то соврал я, – решил немного проветриться, скоро вернусь.

Я неспешно спускался со ступенек с целью проветриться и снова зайти в помещение. Словно для галочки, я наблюдал за оживленным потоком людей в черном. Мне казалось, что каждый из них точно знал свое место в этом потоке и уверенно шел по своим делам. От этого я чувствовал себя не менее жалким, чем хмельной экспонат, только что скатившийся при мне с лестницы прямиком в лужу. Снег еще не успел подстелить ему белый коврик для мягкого падения. Осень, как никак. Я бы тоже хотел себе такой коврик, но скорее для душевного спокойствия. Разумеется, я не собирался валяться пьяным у дверей местного клуба.

Вернувшись за барную стойку, я искал глазами не то Ирен, не то Дору. Никого из них не было и в помине. Я огляделся в очередной раз в поисках Ирен. Внезапно, мне захотелось общения, но вместо этого меня снова, но чуть аккуратнее, толкнули в спину:

– Я тебя узнал! Мы ходили в одну школу, верно?

Я обернулся. На меня смотрело очень довольное лицо. Оно словно ожидало от меня какого-то вознаграждения. Темные короткие волосы, восточные черты лица и приспу-

ценные на кончик носа очки-хамелеон. В этих самых чертах я с великим трудом узнал парня, когда-то учившегося со мной в одной параллели.

– Два коктейля “Белый русский”, пожалуйста! – крикнул он бармену, на мое удивление сделав это довольно учтиво.

Возможно, это не то общение, которого я ждал, но парень заведомо казался воспитанным собеседником. Как позже выяснилось, он учился в социально-экономическом классе, в то время как я просиживал свои школьные годы в физико-математическом. На самом деле, это хорошо отражалось в нашем общении с самого начала. Парень говорил много и красноречиво, я же наоборот старался отвечать коротко и по делу.

В какой-то момент он повернулся ко мне с коварной улыбкой. Обычно такая гримаса возникает на лицах родственников перед тем, как задать вопрос из разряда: “Жениться-то собираешься али как?”

– Как обстоят дела с прекрасным полом на архитектурном поприще? Нашел себе пассию или пока не торопишься? – с искренним интересом спросил он.

– “Лонг Айленд”, пожалуйста! – завопил я на всю Ивановскую, стараясь перекрыть музыку и его скверный вопрос.

Он засмеялся:

– Я понял. Полез не в свое дело, извини.

Я резко обернулся на него с удивленным лицом, но ничего не сказал. До чего же хороший собеседник! В контрасте с

толпой, окружавшей и пихавшей нас на протяжении всего вечера, он казался таким одним на миллион. Какое-то время мы сидели молча.

– Все-таки тебе не стоит бояться говорить об этом, – продолжил он, – твое прошлое легко может стать твоим фундаментом, на который ты поставишь железобетонный стержень своей личности. Ты, как архитектор, должен меня понимать.

Я молча смотрел на свое отражение в зеркале за барной стойкой.

– Настоящий жизненный опыт приходит даже не с тем, как победить соперника, а скорее с тем, как проиграть с пользой, – заключил он, прекрасно понимая мою немногословность.

Спустя мгновение, как бы разбавив обстановку, он крикнул:

– Сет шотов, будьте добры!

Неизвестно, сколько еще времени я мог провести в его компании, если бы ко мне не подошла Ирен.

– Мы уходим. Ты с нами? – спросила она.

Я огляделся по сторонам и отчетливо понял только две вещи: большинство людей испарилось, как если бы их здесь никогда не было, но кроме этого я осознал, что оказался весьма пьян. Словно в тумане я расплатился с барменом, встал из-за барной стойки и послушно последовал за Ирен. Лишь в последний момент я, опомнившись, обернулся к своему ве-

черному приятелю. Он улыбнулся еще более очаровательно, чем раньше, и с пониманием кивнул головой напоследок.

– Я не помню ее имени, но девушка с нашего потока также отказалась уходить, но почему-то именно из-за тебя, – внезапно заговорила Ирен.

– Дора, – ответил я, принимая во внимание только первую часть фразы.

Мы вышли из клуба. Группа из семи девушек стояла внизу у лестницы. Все резко обернулись на нас с Ирен. Я почувствовал себя рок-версией Белоснежки, выступающей для семи гномов на фоне Соборной площади. Внезапно я вспомнил, что забыл на этом празднике жизни. Это был посвятив, по всей видимости, толпа была в ожидании продолжения вечера. Кроме нас на центральной улице города не было ни души. Черные человечки все же добрались до своих целей, в отличие от меня.

Ни в сказках сказать, ни пером описать все то, что происходило со мной в остатке этого вечера. Вовсе не потому что наши топтания по пустому городу были столь увлекательны. Я смею полагать, что все было в точности до наоборот. Проблема заключалась в том, что я совершенно ничего не помнил. Также как и не помнил, что я делаю на Соборной площади совсем один. Женские компании, как я уже отмечал для себя ранее, в большинстве случаев отличались непомерным шумом. Особенно те, что состоят из семи персон. Я на-

чал испуганно оглядываться по сторонам. Нет, все же кто-то остался со мной. Дора сочувственно смотрела на меня.

– Ты действительно оставил там всю свою стипендию? – сказала она, словно продолжая какой-то диалог между нами.

– Стипендия?

Я вспомнил, что мы стояли в ожидании такси. К этому моменту, я начал трезветь, и мои беспокойные мысли о прошлом в какой-то момент успели превратиться в подогретый холодец. Черные человечки, парень за барной стойкой и Ирен занимали мою голову.

Я заметил, что Ирен уже не было с нами, но ее облик то и дело проявлялся в моей голове, отпечатывался с одной кальки мыслей на другую. Внезапно, я начал копать еще глубже. Припомнил все те моменты, когда мне приходилось терпеть поражение. Все это время я заполнял себя печалью, которая, казалось, была бесконечной жидкостью для розжига вдохновения. В какой-то момент я осознал, что перенасытился этим. Все мое естество требовало от меня покоя, от которого я постоянно отказывался по собственной воле. С непосильным трудом я посмотрел на Дору, которая с терпеливым ожиданием и заботой смотрела на меня в своей белой куртке. Неожиданно для себя мне вдруг стало хорошо. “Белый коврик для мягкого падения”, – успел я подумать прежде, чем бессильно сложить ей голову на плечо.